

УДК 316.2 (470.53-25)

Э.Б. Коцеев

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: ШКОЛА З.И. ФАЙНБУРГА

Социальные трансформации в российском обществе, начавшиеся с конца прошлого века, вызвали немалый интерес к социологии и социальным наукам. Социология, прошедшая через кризис и отрицание марксистской методологии, остается теоретически неокрепшей дисциплиной. В этой ситуации особый интерес приобретает положение региональных школ и центров российской социологии. «Файнбургская школа» в Перми сложилась и развивалась как определенный стандарт социологической рациональности, который вместе с уходом советских реалий столкнулся с новыми требованиями научной теории и общественной жизни.

Ключевые слова: *социологическая рациональность, советская/постсоветская социология, теория, методология, структурный функционализм, личность, общество.*

Социология находится на пороге нового синтеза, подобного тому, который совершили сначала классики – К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель и др., а затем Т. Парсонс, открыв путь для новых плодотворных исследований (Р. Мертон, Н. Луман, Ю. Хабермас). Мы полностью разделяем мнение А.Г. Здравомыслова, согласно которому «социология нуждается в новом уровне рациональности и этот уровень должен быть основан как на достижениях всех школ социологической мысли, до сих пор существовавших отдельно, так и на осмыслении современного опыта, весьма специфического для сегодняшнего дня» [1, с. 14].

Мы также исходим из того, что «занятие социологией социологического, объективация объективации не является второстепенным дополнением к предсуществующей практике, но представляет собой характеристику самой социологической практики» [2, с. 275].

Отсюда наш интерес к научному типу рациональности. При этом мы пользуемся термином «социологическая рациональность», под которым понимаем набор методологических принципов, норм исследования и процедурных требований, которые делают добытые социологией данные достоверными, а саму социологию – «нормальной наукой».

* * *

Состояние современной российской социологии таково, что никакого единства в оценках ее достижений и перспектив не наблюдается. Одни авторы подвергают нынешнюю социологию беспощадной, но обоснованной критике

© Коцеев Э.Б., 2016

Коцеев Эдуард Борисович – ст. преподаватель кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: eduardko@bk.ru.

(А. Филиппов, Л. Гудков, В. Вахштайн и др.), другие защищают, указывая на поступательное развитие и небезуспешный поиск научной и профессиональной ниши (Г. Осипов, В. Ядов, М. Горшков, Ж. Тощенко и др.). Однако несомненным остается тот факт, что социология претерпела серьезные изменения как научный проект, предназначенный к тому, чтобы изучать социальные явления, диагностировать и прогнозировать социальные процессы. Изменения эти коснулись, прежде всего, теоретико-методологической базы социологии, ее понятийно-категориального аппарата. В своих оценках случившегося мы вполне можем положиться на мнение и наблюдения Л.А. Козловой, организатора и участника ряда исследований, посвященных российской социологии [3, с. 5–10]:

1. Советская социология строилась на довольно устойчивых представлениях о критериях научности и ненаучности знания, нормах и методике социологической работы, что обеспечивало парадигмальную общность социологии. С исчезновением нормативных рамок советского социологического исследования возникла необходимость в выработке новых стратегий научной рациональности – в самом широком смысле.

2. Рост институциональных ресурсов социологии на рубеже 1980–90-х годов вошел в диссонанс с приростом обоснованного социологического знания. Общественная востребованность российской социологии и социологического образования не вылилась в накопление когнитивных ресурсов этой науки.

3. Произошедшие в постсоветское время изменения не создали условий для придания определенности языку российской социологии, для ее аксиоматизации и стандартизации, не сделали ее более эвристичной и надежной.

4. Сообщество российских социологов чрезвычайно фрагментировалось, образовались теоретико-методологические анклавы, группы, «территории», оппозиции, использующие различные научные языки, придерживающиеся разных взглядов на мир, не стремящиеся к выработке общих стратегий социологического познания.

5. Заметен теоретико-методологический раскол, возникший в последние 10–15 лет между разными поколениями российских исследователей.

В целом в российской социологии отсутствуют активно действующие школы, научная коммуникация, новые направления и институциональные нормы научной деятельности. Такая ситуация, как отмечает Л.А. Козлова, сохранится надолго.

Некоторые из высказанных оценок и положений звучат категорично, если не сказать фатально. Но все же не стоит их отбрасывать, полезнее будет их рассмотреть в качестве вопроса, проблемы, требующей дальнейшего исследования.

* * *

Принято считать, что в Перми сложилась своя социологическая школа – школа З.И. Файнбурга, «исполнявшего функцию инициатора, организатора, учителя и одновременно модератора в процессе постоянно возобновляемой

вербальной научной коммуникации, реализуемой догутенберговскими техниками, т.е. живой речью» [4, с. 133]. По признанию коллег из Екатеринбурга (Ю. Вишневого и Г. Зборовского), уже на момент IV Уральских социологических чтений (1982 г.) Пермь стала заметным социологическим центром Урала, да и страны в целом [5].

Говоря о теоретико-методологических корнях пермской социологической школы, трудно не согласиться с тем мнением, что она (школа) «была порождением социалистической мысли в ее недогматическом, шестидесятилетнем прочтении» [4, с. 144]. По мнению М.А. Слюсарянского, уже в постсоветскую эпоху коллективу кафедры и лаборатории удалось сохранить подходы З.И. Файнбурга к изучению общества как целостности. «Его идеи об историческом типе труда, исследования противоречий позволили перенести акцент на изучение социальных институтов и их роли в трансформационных процессах. Такая методология позволила органично увязать макро- и микроуровни исследований и способствовала появлению новых перспектив научного поиска» [6, с. 10–11].

Научная приверженность системному подходу в исследовании «переходного» общества с акцентом на выяснение структурно-функциональных особенностей новой социальной системы стала главным содержанием той социологической рациональности, которая формировалась и формулировалась участниками пермской школы социологии в постсоветское время.

В исследовании проблем стратификации российского общества в переходный период (1995 г.) авторы обращаются к понятию социальной структуры, под которой понимают «каркас всей системы общественных отношений, т.е. совокупность экономических, социальных и политических институтов, организующих общественную жизнь» [7, с. 3]. При этом они подчеркивают, что «структура не есть нечто внешнее по отношению к индивидам. В определенном смысле она оказывается более внутренней, чем внешней, по отношению к различным формам деятельности. Момент действия является также и моментом воспроизводства структуры в контексте повседневной социальной жизни» [7, с. 4].

Такое толкование социальной структуры – через обращение к внутреннему миру человека, к осознанию собственных интересов той или иной социальной группой, к проблеме самосознания, самоопределения, нахождения своего «я» – говорит нам, по меньшей мере, о двух вещах. Во-первых, высказывается преемственность в методологических установках между советским и постсоветским временем в истории пермской школы. На это указывает тот факт, что социальные процессы рассматриваются в фокусе проблем личности и общества. Подчеркнем, что речь идет не о том, *что* исследовать (неважно, будет ли это социалистическое общество и его противоречия или рыночная система), но о том, *как* исследовать. Напряжение между личностью и обществом является универсальным методологическим ключом к изучению общественных структур и процессов.

Во-вторых, происходит согласование позиций «файнбургской школы» с теоретико-методологическим багажом западной социологии. Внимание пермских социологов к «личностной основе» структурных изменений вписывает их исследование в корпус научных изысканий, наследовавших парсонскую социологию. Неудовлетворенность структурно-функциональной программой и стремление найти, наконец, решение известных социологических дилемм (Т. Парсонс их не решает, а скорее заостряет) приводят к появлению теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас), теории габитуса (П. Бурдьё), теории структуризации (Э. Гидденс) и др. И хотя в пермской социологии нет работ, сопоставимых по теоретической глубине и охвату с западным научным продуктом, отказать ей в наличии собственного социологического лица никак нельзя. Пермская школа социологии сама явилась результатом сложной интеллектуальной эволюции, избежав как бездумного заимствования западных теорий, так и слепого следования идеологическим догматам.

Социологическая рациональность, присущая пермской школе социологии, в целом может быть охарактеризована следующими чертами:

1. Стремление охватить в своем анализе все уровни и сферы общественной системы с опорой на структурно-функциональный подход. Выбор тем и проблем исследования, а также сам язык описания прямо указывают на методологический холизм как отправной пункт всех научных изысканий.

2. Внимание к вопросам культурной дифференциации, индивидуального и группового сознания, социального самоопределения существенным образом раздвинули границы узко (или вульгарно) понятого марксизма и структурного функционализма. Однако это не привело к отказу от количественных методов, продиктованных жесткой объективистской позицией в отношении изучаемых явлений.

3. Позиция и назначение социолога в обществе трактуется пермской школой в духе классической социологии: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять. Социология сохраняет за собой привилегированный статус «органа» общественной саморефлексии, а социолог – беспристрастного, независимого и, как следствие, научно-объективного наблюдателя. Таким образом, пермская школа социологии может быть определена как трансцендентная социология (термин заимствован из статьи А. Бикбова [8], в которой противопоставляются две позиции социологического теоретизирования).

Смена общественной модели развития не повлекла за собой немедленно кризиса социологической рациональности. Острой необходимости в выработке новой стратегии научной рациональности у пермских социологов не возникло. Развитие происходило за счет обновления и дополнения уже сложившихся научно-исследовательских и теоретико-методологических традиций. То, что «файнбургская школа» всегда отличалась открытостью для внешнего идейного влияния, гибкостью своих теоретических конструкций, приверженностью недогматическому марксизму, соединением разных уровней и видов знаний (теоретического, эмпирического, прикладного), сыграло

спасительную роль в сложное переходное время. Но запас прочности не вечен, прежде всего потому, что не вечны люди; вопрос теоретической оснащенности и профессионализма с каждым днем встает все острее. Высокий темп социальных изменений ставит новые задачи перед социологами; смена типов научной рациональности требует большего внимания к вопросам методологии социологических исследований. А это значит, что разрешение проблемы социологической рациональности по-прежнему стоит на повестке дня.

Список литературы

1. Здравомыслов А.Г. Принцип рациональности в современной социологической теории // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 3–15.
2. Карсенти Б. Социология в пространстве точек зрения // Поэтика и политика: S/L'98: Альманах / Рос.-фр. центр социологии и философии Ин-та социологии РАН. – М., 1999. – С. 273–291.
3. Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации: моногр. / под ред. Л.А. Козловой; Ин-т социологии РАН. – М.: Научный мир, 2010. – 480 с.
4. Лейбович О.Л. Субъективные заметки о пермской социологии // Мир России. – 2006. – № 2. – С. 131–146.
5. Вишневецкий Ю.Р., Зборовский Г.Е. Социология на Урале: проблемы становления и развития // Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2015. – С. 4–12.
6. Слюсарянский М.А. Социологические исследования кафедры и лаборатории социологии ПГТУ в 90-е годы // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XII Урал. социол. чтений / Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2000. – Т. 1. – С. 5–11.
7. Проблемы стратификации российского общества в переходный к рынку период / М.А. Слюсарянский, П.В. Антипин, Е.С. Шайдарова [и др.]. – Изд-во Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 1995. – 98 с.
8. Бикбов А. Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // Пространство и время в современной социологической теории: сб. ст. / под ред. Ю.Л. Качанова; Ин-т социологии РАН. – М., 2000. – С. 11–25.

References

1. Zdravomyslov A.G. Printsip ratsional'nosti v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii [The principle of rationality in modern social theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1990, no. 12, pp. 3–15.
2. Karsenti B. Sotsiologiia v prostranstve tochek zreniia [Sociology in perspectives]. *Poetika i politika: S/L'98: Al'manakh*. Moscow, Ros.-frants. tsentr sotsiologii i filosofii In-ta sotsiologii RAN, 1999, pp. 273–291.

3. Teoriia i metodologiia v praktikakh rossiiskikh sotsiologov: postsovetskie transformatsii [Theory and methodology in the practices of the Russian sociologists: the post-Soviet transformation]. Ed. by L.A. Kozlova. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 2010. 480 p.

4. Leibovich O.L. Sub"ektivnye zametki o permskoi sotsiologii [Speculative notes on Perm sociology]. *Mir Rossii*, 2006, no. 2, pp. 131–146.

5. Vishnevskii Iu.R., Zborovskii G.E. Sotsiologiia na Urale: problemy stanovleniia i razvitiia [Sociology in the Urals: problems of formation and development]. *Sotsiologiia na Urale: vtoroe rozhdenie i put' v XXI vek*. Yekaterinburg: Izd-vo UrFU, 2015, pp. 4–12.

6. Sliusarianskii M.A. Sotsiologicheskie issledovaniia kafedry i laboratorii sotsiologii PGTU v 90-e gody [Sociological research of the department and laboratory of sociology in Perm State Technical University in 90ies]. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovani: materialy XII Ural. sotsiol. chtenii*. Perm, Perm. gos. tekhn. un-t, 2000, vol. 1, pp. 5–11.

7. Sliusarianskii M.A., Antipin P.V., Shaidorova E.S. [et al.]. Problemy stratifikatsii rossiiskogo obshchestva v perekhodnyi k rynku period [Problems of stratification of the Russian society in the market transition]. Perm, Perm. gos. tekhn. un-t, 1995. 98 p.

8. Bikbov A. Immanentnaia i transtsendentnaia pozitsii sotsiologicheskogo teoretizirovaniia [Immanent and transcendent positions of sociological theorizing]. *Prostranstvo i vremia v sovremennoi sotsiologicheskoi teorii*. Ed. by Iu.L. Kachanov. Moscow, 2000, pp. 11–25.

Получено 04.02.2016

E.B. Koshcheev

SOCIOLOGICAL RATIONALITY IN CONSCIOUSNESS AND PRACTICE OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS: SCHOOL OF Z.I. FAYNBURG

Social transformations in the Russian society, which began in the last century, unleashed considerable interest towards sociology and social sciences. Having passed through the crisis and the denial of the Marxist methodology, sociology is a theoretically immature discipline. In this situation, special interest is drawn to the position of regional schools and centers of Russian sociology. «Faynburg school» in Perm has developed and evolved as a certain standard of sociological rationality, which after the collapse of the Soviet realities faced with the new requirements of scientific theory and social life.

Keywords: *sociological rationality, Soviet/post-Soviet sociology, theory, methodology, structural functionalism, personality, society*.

Koshcheev Eduard Borisovich – Senior Lecturer, Dept. of Social and Political Sciences, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: eduardko@bk.ru.